

Автор благодарит Михаила Андреева и Полину Каменецкую за помощь в работе над книгой.

Пролог

«Здравствуйте, мама и папа!

У меня все в порядке. Условия на вахте хорошие, есть столовая, душевая, теплые бытовые помещения. Работа интересная, мне нравится. К сожалению, со-товой связи здесь нет, потому устроить конферен-цию по видеосвязи не получится. А выходить через спутник я смогу, только когда стану большим началь-ником и буду почаще бывать в городе. Но это и к луч-шему. Ведь когда еще в наше цифровое время появится возможность получить настоящее бумажное письмо!

Так как это бумажное письмо, то, по законам жан-ра, я должен вам сейчас написать про погоду. Но не буду, потому как иначе мама будет волноваться. Да и какая тут может быть погода? Полярная ночь — и этим все сказано. Причем ночью на точках народу очень много. Практически все работы происходят зимой, в полярную ночь, когда по замерзшему грунту можно раскатать зимник, по которому большие тя-гачи смогут таскать большие грузы. Трансформато-ры там всякие, столбы, катушки с проводами... ну что я вам рассказываю, сами все знаете.

На самом деле со стороны, в описаниях и на фотографиях все это выглядит гораздо страшнее, чем если жить здесь и смотреть своими глазами. Север — он не злой. Со своими особенностями, которые могут показаться городскому жителю неприятными, но в целом очень приятная земля.

Зарплату платят исправно, спецодежда качественная, натуральная, теплая и экологически чистая. Места здесь тоже очень даже полезные для здоровья. Первозданная природа, свежий воздух. Знаете, здешние старожилы говорят, что, если приехал на Север и не сбежал через неделю — значит, это на всю жизнь. Местные говорят, что бывших полярников не бывает. И я их понимаю. В покорении Севера есть что-то такое... завораживающее, что ли. Все эти зимники, вертолетные площадки и наглые, разбалованные местные олени... я словно в другой мир попал. Да, пожалуй, так и считайте — ваш сын, мол, попал в другой мир. У меня появилась интересная работа, новые друзья. А еще у меня теперь есть возможность похвастаться, что я оказался там, где никто из моих знакомых никогда не был и вряд ли когда-нибудь будет.

Хочу сказать, что я благодарен вам за все те знания и умения, что вы успели вложить в мою бестолковую голову. Как выяснилось, я далеко не самый бездарный человек, и это целиком и полностью ваша заслуга.

Когда вернусь — не знаю. Вахты по моей должности идут полгода и полтора года. Людей не хватает, сами понимаете. Потому руководство настоятельно упрощает меня остаться еще на один сезон. Но за меня не беспокойтесь, у меня все хорошо. И в чем-то я даже счастлив. Ведь я участвую в большом деле, о котором потом много лет подряд будут писать в учебниках истории.

Буду писать по возможности. Если от меня полгода нет вестей — не переживайте. Отправка корре-

спонденции тут нерегулярная. Да и на тему писать письма я не большой умелец, уж извините.

*Желаю вам крепкого здоровья! Привет брату!
Ваш сын Георгий».*

— Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — Синево! — провозгласила женским голосом электричка, и вагон дернулся, набирая ход.

Я свернул листок и положил его обратно в конверт. Глянул адрес отправителя и с удивлением посмотрел на толстого мужика напротив.

— Это где вообще?

Толстяк махнул рукой.

— А, не бери в голову. Если вдруг попробуют нагрять в гости — то переведу тебя на другой адрес. Мало ли таких точек на Севморпути? Но в целом-то как? Нравится письмецо-то? По стилю похоже будет?

Я пожал плечами:

— Ну, почерк точно мой. А стиль... не знаю. Никогда не писал бумажных писем.

— Ну ничего. Научись. Было бы желание. Да, малец? Есть оно — желание-то?

Мне стало немножко стыдно. Все-таки родня. Как они там?

— И сколько ты уже таких писем послал?

— Это уже второе. Как и договаривались, письма буду слать каждые полгода.

Я отвернулся к окну вполборота и спросил, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

— А какой-нибудь ответ получить можно будет?

Молчит.

Вздохнул, повернул лицо и напоролся на тяжелый взгляд желто-карих глаз. Добродушная улыбка с лица мужика куда-то пропала.

— Нет.

— Почему?

— Потому что.

Вот как?

— Очень информативно.

— Они еще не родились, малец. И от тебя зависит, родятся ли вообще.

Я вскинул брови и покосился на конверт.

Мужик махнул рукой и выхватил у меня письмо.

— Ты, малец, голову-то себе парадоксами не забивай. Говорю — с твоими все в порядке, письмо они получат. Веришь?

Мне стало как-то неприятно. Грубо отвечаю:

— А ты не Господь Бог, чтобы тебе верить.

Мужик поперхнулся, быстро достал из нагрудного кармана грязный носовой платок и шумно высморкался. Откашлялся в сторону, протер ладонь платком и сказал:

— Ну смотри сам. Я свою часть уговора блюду. Ты уж тоже постарайся, хорошо?

Пожимаю плечами. Будто у меня выбор есть, ага.

— Куда ж я денусь. Что там? Шпиона поймать надо или еще чего?

Думал — заржет в своем фирменном стиле, ан нет. Он изобразил на толстой морде нечто вроде смущения и, глядя в сторону, проговорил:

— Да я и сам не уверен. Видишь ли, какая штука. Один из игроков сделал ход. Да такой, знаешь, на тоненького. Ну вот как я Чичагова от воспаления легких твоими руками спасал, так и этот что-то такое делает. Что-то мутит, мутит... А я все в толк не могу взять, что именно. Если честно — я бы даже не догадался, что на моей земле играют. Просто недавно обратил внимание, что у меня появилось право на ответное вмешательство. Ответное, понимаешь?

А на что отвечать, скажи мне? Это не дуболом Юнас, не боевик с кучей приметных инородных вещей. Какой-то уж очень хитрый субчик...

Мужик допил банку, одним движением смял ее и бросил под сиденье. М-да. Все-таки он не меняется. Аккуратность и чистоплотность — не его стиль.

— От меня-то чего хочешь, старый? Я, знаешь ли, намеков не понимаю. Молодой, глупый, все дела. Ты уж как-нибудь поконкретнее цели ставь, что ли!

Толстяк снова не принял шутливый тон. Посмотрел все так же тяжело, придавливая взглядом. Потом залез во внутренний карман куртки, достал смятую бумажку, небрежно расправил ее и показал мне.

— Знаешь его?

На листке синей шариковой ручкой был сделан достаточно неплохой шарж. Знакомое лицо. Круглое, щекастое, в парике с буклями...

— На генерала нашего похож, Василия Абрамовича. Я, правда, его только издалека видел...

— Верно, малец. Он самый, Василий Абрамович Лопухин. И племянница его, Машка. И еще зятек, Петрушка Черкасский. Где-то рядом с ними трется чужак. Они его знают в лицо. Они с ним разговаривали. Он уже как-то влияет на их судьбы. И мне это очень не нравится, малец. Очень.

Чего он хочет-то, не пойму?

— Мне что, этого чужака найти, поймать и убить?

Мужик поморщился.

— Ишь какой боевик-убивальщик нашелся! Ты хотя бы просто мне информацию какую-нибудь дай. Что да как, да почему. Я, малец, никак в толк взять не могу, что происходит. Нутром чую, что какая-то муть вокруг Лопухина творится, а что, к чему да почему — не понимаю. И мне это, знаешь ли, совсем не нравится.

Ого! Это он серьезно?

— И как я, простой солдат, буду следить за генералом? Ты в своем уме, старый? Тем более он даже не в нашем городе!

Мужик невесело усмехнулся в грязные засаленные усы:

— Помнишь анекдот? Ну этот, где сова такая: «Мыши, станьте ежиками»? Я, малец, стратегические вопросы решаю. А ты уж как-нибудь постарайся, очень тебя прошу. Поможешь?

— Станция Синево! — объявил женский голос, и электричка начала сбавлять ход.

Глава 1

Стаканчик с костями с глухим стуком ударил по столешнице. Столпившиеся вокруг люди невольно подались вперед, чтобы рассмотреть выпавшие на гранях кубиков значения. Раздался вздох разочарования.

— Три плюс два! — довольно осклабился ундер-офицер Максим Годарев и подгреб к себе банк.

Ундер-офицер Ефим Иванов в сердцах шлепнул своими огромными ладонями по столу.

— Да чтоб тебя!

Заскрипели скамейки, вскочившие было игроки с ворчанием рассаживались обратно по своим местам.

В большом и просторном зале кухмистерской было холодно, душно и накурено. Света от масляных коптилок едва хватало, чтобы рассмотреть лица друг друга, а от часто открываемой входной двери регулярно сквозило. Но зато здесь была возможность сдвинуть несколько столов один к одному и устроить посиделки ротных ундер-офицеров, которые за эту зиму стали уже традиционными. Хозяин заведения — одноногий калека, не так давно списанный из армии по увечью — был хорошим знакомым Архипа еще по свейской войне. Потому капралы и ундера всего нашего батальона столовались именно тут. Да и готовили здесь хорошо, чего греха таить. Даже картошку по-

давали. Мелкую, как по мне, но — картошку! Как же я по ней соскучился! А местные ее не жаловали. Они вообще консервативны в плане еды, экзотика у них не в чести. Не только картошку не едят, но и яблоки.

Яблоневые сады сейчас активно высаживают по всей России. Сами яблоки стоят дешево, потому что их особо никто не покупает. Нет привычки. Думают, мол, очередная блажь власть имущих, нехай они это все и едят. Я ж не буду им говорить, что яблоки станут главным фруктом в стране. Это сейчас они мелкие и кислые. А через двести лет будет ого-го! Как и картошка окажется главным овощем, а эту вашу репу позабудут, как страшный сон. Впрочем, пусть их. Мне больше достанется.

Да, я стал завсегдаем таких посиделок. Нет, я не пристрастился к игре, хоть и играл вместе со всеми. К выпивке и табаку тоже пока оставался равнодушным. Просто... Солдатам нужен отдых. Хотя бы пару часов вечером. А при начальстве, знаете ли, не расслабишься. Особенно если это начальство — капрал. Капрал — он злой. Он муштрует. Он бьет. Он постоянно придирается к каждой мелочи, от пуговиц и выправки до знания артикула и экзерциций. Даже если капрал покровительственно похлопает по плечу и скажет: ну чего ты, мол, Степа, жмешься? Мы ж с тобой из одного котла ели! Степан, разумеется, вежливо улыбнется и даже поддержит разговор. Но все равно не расслабится. Конечно же мы со Степаном ели из одного котла. Только вот тот криворукий калич из Шлиссельбургского полка, над которым Степан поставлен «дядькой» — он сегодня снова накосячил. И ему влетело. И Степану неудобно. А еще Степан знает, что шлиссельбургский накосячит и завтра. И послезавтра. Это полено еще тесать и тесать, такого за день не воспитаешь.

Поэтому Степан напряжен. И разговор ведет так, чтобы и меня отвлечь рассказом о том, чему научился у пушкарей, и в то же время загородить спиной бестолкового новичка. Чтобы я не увидел, значит, как он снова рукавом нос вытирает.

Да и Сашка тоже. Я ж ему тут втащил недавно. Потому что... Короче, между мной и ребятами моего прошлогоднего шестака образовалась дистанция. И по вечерам я ухожу, оставляя их наедине с собой. Чтобы они могли расслабиться и спокойно поужинать, не опасаясь очередной выволочки. Да уж. А ведь прошлой весной, там, в учебном лагере в Луге, я еще удивлялся. И куда это, мол, старые солдаты с капралами сваливают после обеда? И еще радовался, помню. Наконец-то ушли, хоть ноги отдохнут! А теперь вот и я ухожу. И другие капралы и ундера роты тоже уходят. Потому что у остальных капралов ситуация в капральствах примерно такая же. Эти шлиссельбуржцы... они ж никакущие! Настолько унылые солдаты, что Степан — вместе со мной в рекрутской команде был год назад, если что — становится «старым солдатом» над шлиссельбуржцем пятого года службы. И да, Степану есть чему учить этого недоумка. Вот же порадовали нас пополнением, а?

А ведь еще летом наша рота числилась лучшей. Да и без ложной скромности можно сказать, что и являлась таковой. Лучшей.

А потом... В октябре его сиятельство граф Шувалов объявил о создании Обсервационного корпуса. В который было велено собрать лучших солдат со всех полков. Если учесть, что в марте уже собирали лучших солдат в гренадерские роты взамен тех лучших солдат, что были отобраны на формирование гренадерских полков... А все равно, найди да предоставь.

Будто у нас тут фабрика по производству лучших, ага. В полках и так некомплект из-за того, что рекрутский призыв пятьдесят четвертого года оказался с недобором, а внеочередной призыв пятьдесят шестого года и вовсе провалился из-за эпидемии в этих новомодных учебных лагерях графа Шувалова. Причем в другом лагере, том, что в Великих Луках, так и вовсе случилось восстание рекрутов, которое пришлось давить войсками. Это нам один из киевских кирасиров по секрету рассказал, про восстание-то. Да и вообще слухами земля полнится.

Нет рекрутов — нет пополнения. Людей не хватает даже заполнить штат. Но при этом — вынь да положь, да непременно лучших, ага.

Проблему некомплекта людей в линиях граф Шувалов придумал решить простым переводом нестроевых в строй. А че? Людишки — они и есть людишки, какая разница-то? Так что вот этих всех возниц, денщиков, мастеровых — и в строй. На бумаге это почти полторы сотни человек. Хватит, чтобы закрыть большую часть штата. Ага. А то, что в реальности нестроевые — это или бестолковые недоросли, которым по молодости лет еще рано в линии стоять, или совсем уж седые старики, постарше нашего Семена Петровича... Его сиятельству графу Шувалову такие мелочи неинтересны. Решение он нашел, а дальше вы как-нибудь сами. Взамен он обещал в качестве нестроевых прислать малороссов гетмана Разумовского. Мол, договоренность уже есть, так что ждите, все будет... когда-нибудь. Ну-ну. А в памяти-то еще свежи рассказы о летних событиях в Польше, когда слобожанские и малороссийские казачки начудили так, что генерал Апраксин приказал их срочно отвести на восток, во избежание. И вот теперь их же сородичей поставить к нам на полковой обоз? Прекрасное решение нашел

его сиятельство, ага. Дивизионное начальство прям ножками сучит от восторга.

И так-то вроде все эти рескрипты Конференции выходили постепенно, по чуть-чуть. И там, в Лифляндии, дивизия особо и не нервничала по их поводу. Так же по чуть-чуть исполняли или не исполняли. Спокойно, в рабочем режиме. А вот мы... На нас все это счастье свалилось разом, в один момент, в январе, вместе с явлением в полк нового командира, полковника Вильгельма Лебеля. Полковник пришел, сделал назначения на должности и повышения в чинах, а потом достал из сундука толстую пачку накопившейся корреспонденции и... полк затрясло в лихорадке реформ.

Шлиссельбургский полк, который летом развалился на куски из-за проблем с руководством, большие начальники из Петербурга решили сделать учебным, а опытных солдат из него раздать на пополнения. К нам из того полка пришло почти четыре сотни человек. А две с лишним сотни людей — лучших, разумеется, в нашем полку негодных нет — отправились служить в Обсервационный корпус. Еще обещали прислать на пополнение полсотни ландмилиционеров из Нижнего Новгорода, но, как известно, обещанного три года ждут.

Итого по личному составу в целом нарисовалась следующая картина. Полк весной потерял две сотни своих гренадеров, взамен летом получил три сотни рекрутов — это та команда, с которой прибыл и я. Потом потерял три сотни рядовых, отданных Шувалову, обратно получил еще четыре сотни «шлиссельбуржцев». Получается, что каждый третий солдат в полку — новичок, зимующий в полку первую зиму. Да и качество новичков... Или бестолковые рекруты, или горькие пьяницы и прочий сброд, от которых их прежний полк избавился без малейшего сожаления.